

Е. Л. Телицына

**ПЕРЕВОД АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

В данной статье рассматриваются особенности перевода эмоционально-оценочной лексики как средства создания образов персонажей и разнообразие способов передачи авторского замысла. Были проанализированы примеры переводов различной интенции и выявлены способы передачи исходного текста на английский язык. На основе исследования был сделан вывод об умении переводчика сохранить авторский замысел, учитывая явления, происходящие на экономическом, социальном, политическом уровнях во время написания данного произведения.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная лексика, перевод художественного текста, интенции, переводческая деятельность.

**TRANSLATION OF AXIOLOGICAL VOCABULARY AS EXEMPLIFIED IN THE
NOVEL OF M. BULGAKOV “MASTER AND MARGARITA”**

This article deals with special translation technique of emotionally evaluative lexis as means of image creation and various ways of reproduction of author's intention. The examples of translation of different intentions were analyzed and ways of reproduction of the source text into English. It was concluded that it is necessary to keep the author's intention taking into account social, political, economic phenomena, inherent to the age of the opus.

Key words: emotionally evaluative lexis, translation of non-fiction, intentions, translation practice.

История возникновения языка берет свое начало со времен существования древних племен, живших на земле много миллионов лет до нашей эры. Необходимость обмена информацией способствовала эволюции человека, а вместе с ним и языка, сначала люди общались с помощью невербальных средств, используя жесты, мимику, интонацию, и спустя много веков возник привычный в нашем понимании язык, состоящий из словесных единиц, общепринятых для обозначения определенного явления, предмета или действия. В процессе межкультурной коммуникации проблема взаимопонимания была обусловлена различиями в дефинициях отдельных понятий и принятой языковой системой в пределах определенного места поселения, возникла потребность в посреднике, способном точно передать с одного языка на другой. Взаимопроникновение культур наряду с социальными, историческими и политическими явлениями накладывало свой отпечаток на формирование и изменения, происходившие в языке.

В современном мире обмен опытом и сотрудничество происходят на международном уровне, и все чаще наблюдается обогащение лексики каждого языка за счет передвижения лексических единиц.

Основными причинами заимствований являются следующие: 1) исторические контакты народов; 2) необходимость названия новых предметов и явлений; 3) языковая мода; 4) экономия языковых средств; 5) авторитетность языка-источника; 6) когда в языке нет слова-эквивалента для нового предмета (плеер); 7) когда слово-заимствование заменяет целый описательный оборот (мотель – вместо «гостиница для автотуристов»; брифинг – короткая пресс-конференция для журналистов; фристайл – фигурное катание на лыжах и др.) [3].

Перевод по праву считается одним из самых сложных речемыслительных видов деятельности, который заключается в передаче содержания текста с одного языка на другой. Основной проблемой является сам посредник в общении двух культур, так как он передает информацию через призму накопленного опыта, собственных переживаний, теряя объективную оценку происходящего. Важным фактором является и лингвокультурологический аспект.

Перевод художественного текста отличается рядом особенностей. Переводчик должен учитывать не только эпоху написанного произведения, но культурные явления, характерные для

этого времени, стилистические особенности, присущие данному автору. При этом ключевая роль заключается в сохранении авторского замысла. Предполагается, что переводчик обладает необходимым лексическим запасом, знанием фразеологизмов и может прочувствовать суть исходного текста, став не создателем нового творения, но соавтором уже существующей работы.

В процессе жизнедеятельности человек постоянно взаимодействует с окружающим миром. Объективный мир членится человеком с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда, истинности и ложности и т. п.

Фундаментом понятия оценки является философская теория ценностей, которая делает оценку универсальной языковой категорией. Вряд ли существует на земле язык, в котором отсутствуют понятия «хорошо» и «плохо». В связи с этим речевая ситуация постоянной оценки требует отбора использования определенных языковых средств для выражения оценочного значения.

Многообразные функции оценки: воздействующая, дидактическая, эмотивная, когнитивная – определяют важность оценочных суждений в формировании способностей личности выразить свой духовный мир, определив объекты окружающей действительности (предметы, лица, процессы, события, факты) по нормативной шкале ценностей, сформировать свою «часть» картины мира, придать определенную модальность изображаемому (не случайно английские психологи называют оценку одним из наиболее регулярно осуществляющихся коммуникативных побудителей) [4, 342]. Изучение всех проявлений оценки в сфере языкового сознания позволит представить особую, ценностную картину мира, которая реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, содержит также систему моральных ценностей, этических норм, поведенческих правил. В ценностной картине мира наиболее ярко отражаются специфические черты национального менталитета и ценностные ориентиры общества. «Язык, являясь важнейшим средством общения, выражает всевозможные оценки» [4, 344].

Сопоставление русской системы ценностей с аналогичными единицами других языков позволяет наиболее ярко представить материал русского языка, поскольку «каждая культура формирует свою уникальную систему ценностей, приоритетов, моделей поведения» [7, 11]. По мнению Н. Д. Арутюновой, специфика языкового выражения ценностного отношения к миру обусловлена социально-историческими и национальными факторами [1, 8].

Для перевода эмоционально-оценочной лексики мы обращались к оригинальному тексту романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [3] и двух его переводов, выполненных Майклом Гленни [10], Ричардом Пивером и Ларисой Волохонской [11].

Рассмотрим несколько примеров с отрицательными интенциями. Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно и физиономия, прошу заметить, глумливая [3, 2] – The man was seven feet tall but narrow in shoulders, incredibly thin and with a face made for derision [11, 3] / A citizen seven feet tall but narrow in shoulders, unbelievably thin, and, kindly note, with a jeering physiognomy [10, 18]. В исследуемых нами переводах видны различия. Слово *face*, лицо – а, мн. лица, лиц, лицам, ср. 1) Передняя часть головы человека. Черты лица. Румяное лицо. Знакомое лицо. Измениться в лице (о резкой перемене в выражении лица). В лицо говорить прямо, открыто. Знать кого-нибудь в лицо (по внешнему виду). Лицом к лицу встретиться (вплотную). Лица нет на ком-нибудь (испуган, расстроен). На одно лицо кто-нибудь с кем-нибудь (очень похожи). На лице написано что-нибудь у кого-нибудь. Видно по выражению лица. На лице написано разочарование; 2) сразу понятен, ясен кто-нибудь. С лица некрасив (внешне; прост.). Лицом в грязь не ударить (удачно сделать что-н., показав себя с лучшей стороны) [8] – относится к нейтральной лексике и не имеет стилистических помет, в отличие от *physiognomy*, ФИЗИОНОМИЯ, -и, ж. (разг.). То же, что лицо (в 1 и 2 знач.). I Неприятная, лукавая, смешная ф. Ф. города, местности (перен.). II прил. физиономический, -ая, -ое (устар.) [8]. Попробуем выполнить замену в исходном тексте нейтральным словом «лицо»: Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно и лицо, прошу заметить, глумливое. В случае нейтрализации происходит не только изменение интенции оскорбления или насмешки, но и восприятие героя, его дальнейших поступков, что существенно меняет общий авторский замысел.

Рассмотрим следующий пример. Еще более побледнев, он вытаращил глаза и в смятении подумал: «Этого не может быть!» [3, 2]. В данном случае также наблюдается различие в переводе: *Paling even more, he stared and thought in consternation: «It can't be!»* [10, 3]; «Turning

paler still, he goggled his eyes and thought in consternation: «This can't be!» [11, 18]. В русском языке слово вытаращить: тарашиться, -щусь, -щишься; несов. (прост.): 1) (1 и 2 л. не употр.). О глазах: широко раскрываться от удивления, страха; 2) на кого-что. Смотреть, широко раскрыв глаза (неодобр.). Что ты на нее тарашешься? сов. вытаращиться, -щусь, -щишься. To stare: 1) пристально глядеть, вглядываться; уставиться (at, upon -на) [9], to goggle: 1) тарашить глаза; смотреть вытаращенными глазами [9]. Второй вариант перевода представляется более удачным, так как не меняет авторского замысла.

«– Изумительно! – воскликнул непрошенный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал...» [3, 40]. «'Astounding!' cried their unbidden companion. Glancing furtively round and lowering his voice he said...» [10, 6]. «'Amazing!' exclaimed the uninvited interlocutor and, casting a thievish glance around and muffling his low voice for some reason, he said» [11, 32]. Согласно данным словаря С. И. Ожегова «Воровский, нареч. (разг.). Как свойственно вору, исподтишка и мошеннически» [8]. Слово «воровски» в словаре не маркировано негативной окраской, при этом его значение, исподтишка, мошеннически несет в себе отрицательный контекст. В переводе Майкла Гленни наречие «furtively» означает тайно, незаметно, что дает читателю понять лишь то, как персонаж выполняет данное действие, не передавая стилистического образа, заложенного автором в героя [2]. Обратимся к переводу Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской, лингвисты используют прием дословного перевода «thievish», что можно перевести воровски, но это будет характеризовать персонажа как человека, способного украсть что-либо. Спорным выглядит то, что М. Булгаков именно так представлял своего героя читателю.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на характер переводимых единиц и их эмоционально-оценочную окраску, важно придерживаться изначального авторского замысла, соблюдая при этом лексико-грамматический строй языка, с которого производится данный перевод. Очень легко исказить смысл исходного текста, если переводчик не учитывает явления, происходящие в данной эпохе, игнорирует авторский стиль и общественные настроения, присущие времени написания произведения.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 339 с.
2. Бесплатный кембриджский словарь и тезаурус по английскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://engood.ru/anglijskij-tolkovyj-slovar/>.
3. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита [Текст] : роман / М. А. Булгаков. – Москва : Профиздат, 2008. – 398 с.
4. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – 2-е изд. – Москва, 2000. – 398 с.
5. Дьяков, А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке [Текст] / А. И. Дьяков // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35–43
6. Малый академический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/ru/>.
7. Садохин, А. П. Культурология: теория и история культуры [Текст] / А. П. Садохин. – 2005. – 432 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-11323.htm>.
9. English-Russian dictionary of general lexicon [Электронный ресурс] : англо-Русский словарь по общей лексике. – Режим доступа: <http://slovar-vocab.com/english-russian/general-dictionary.html>.
10. Bulgakov, M. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Michael Glennly [Text] / M. Bulgakov. – London : Collins and Harvill Press, 1967. – 205 p.
11. Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita / M. Bulgakov ; transl. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. PENGUIN BOOKS, 1997. – 419 p.